
СЕМЁН
ОРУЖЕЙНИК
ДЕНИС СЕДОВ

Денис Седов
Семён оружейник

https://litres.ru/74813707
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет Семён Петрович нарезает шестерни на старом советском станке, а по вечерам куёт мечи в своей мастерской — и слышит от жены, что занимается ерундой.

Однажды прежняя жизнь заканчивается. Город лежит в руинах, связи нет. Последнее, что успевает дойти до Семёна, — голосовое сообщение: «папа, мы будем прятаться в метро Дмитровская любим тебя, папочка»

Между ним и дочерьми — две тысячи километров. На дорогах блокпосты, армия собирает мастеров для секретного подземного объекта, и такие, как Семён, там очень нужны. А на холме за городом вокруг него понемногу собираются люди, которым больше некуда идти.

Чтобы выжить, придётся вспомнить всё, что умеешь руками. А чтобы дойти до дочерей — решиться на то, на что раньше никогда бы не решился.

В это время под Москвой, на глубине шестидесяти метров, две сестры отмечают мелом на колонне прожитые дни и ждут отца. Потому что папа упрямый. И он их любит.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2. Ад 19
Глава 3. Дмитровская 32
Глава 4. Что дальше, Сёма? 42
Глава 5. Гости 49
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Денис Седов
Семён оружейник

Глава 1

Старый «Урал» скрипел на каждой кочке, и Семён Петрович давно перестал этот скрип замечать. Велосипед достался от отца, Семён только перекрасил его в чёрный. Дорогу до завода велосипед знал лучше хозяина: через двор, мимо гаражей, на улицу Ленина.

Пятница. Последняя смена перед выходными.

Солнце только-только поднялось над крышами, низкое, ещё не жаркое, и длинные тени от берёз ложились поперёк тротуара. Молодая листва блестела и переливалась от ветерка. Вчера вечером прошёл дождь, в гладких лужах отражалось небо, а от палисадников тянуло сиренью так, что кружилась голова. На руле болталась сетка с термосом — чай крепкий, без сахара.

На Семёне была старая рабочая куртка, застиранная до серого, с прожжённым рукавом. В начале весны на заводе выдали новую спецовку, но её он берёг: висела дома в шкафу, с биркой. Надевать новое, пока старое ещё годное, у Семёна рука не поднималась — так уж был устроен.

День начался, как сотни других. Будильник на пять тридцать, который он, как всегда, опередил. Капающий кран — жена опять недокрутила. Вчерашний суп, съеденный через силу, потому что иначе в обед в заводской столовке только гречка с подливой, а от неё изжога. И зеркало в ванной, из

которого на него смотрело усталое лицо — щетина, мешки под глазами.

«Сорок пять, а выглядишь на все шестьдесят», — сказала вчера жена. Сказала не со зла, а так, между делом, расчёсывая перед сном волосы, от которых пахло дорогим шампунем. Шампунь купила сама, на свои. Раньше она обязательно спросила бы, нравится ли ему запах. Но это раньше. Семён ничего не ответил. Он вообще последнее время много молчал.

Из дома он ушёл, пока она спала. Так было проще.

Утро было прекрасное! Прекрасное настолько, что Семён на какое-то время забыл про то, что жена вчера опять завела шарманку: «Третий год не была в отпуске, а куда поедешь, если муж нищеброд...»

Когда-то она была другой.

Когда-то они могли просто сидеть на кухне, вечерами, пить чай и разговаривать. Они ходили вместе на школьные концерты дочерей. Отмечали праздники, встречали дома гостей или выезжали куда-то на отдых. А однажды Семён свалился с тяжёлой простудой и несколько дней мучился с высокой температурой. Так Света почти не отходила от его кровати. Он чувствовал облегчение от прохладных прикосновений её ладони ко лбу. И даже от того, что всё это время его жена просто была рядом.

Семён это помнил. Он хорошо помнил и то, когда всё это начало ломаться.

Впервые в жизни он получил что-то не заработанное своими руками. После смерти отца ему достались старый домик за городом и мастерская. Ничего особенного — покосившийся забор, ржавая крыша и прогнившее железо водостоков. Но Семён этот домик любил с детства. Дом был на возвышенности, и по вечерам весь город лежал внизу, как на ладони, освещённый лучами заходящего солнца.

Но Света увидела в этом наследстве совсем другое.

— Продадим и заживём как люди, — говорила она.

Сначала уговаривала, потом настаивала, потом обижалась.

А Семён упёрся, сам не знал почему. Может, потому что это было последнее, что осталось от отца. Может, потому что именно там он чувствовал себя человеком, а не винтиком большой нелепой конструкции.

Когда Света поняла, что время идёт, а мастерская и домик не продаются, с этого всё и началось.

Сначала он скучал по той Свете. Потом перестал. Потом почти забыл, что она вообще когда-то существовала.

Однажды он даже решил продать мастерскую, чтобы всё вернуть. Нашёл покупателя, всё посчитал. Но за неё предложили столько, что не хватило бы даже на убитую, подержанную машину. Свете он об этом не сказал. Зачем? Она всё равно не поверила бы.

А потом появились первые заказы. Небольшие, редкие, почти смешные. Кому шлем, кому ножны, кому железку для

реконструкции. Денег это приносило немного, но всё же приносило. И в дом начала попадать лишняя копейка.

Семён катил по городу и думал про дочерей, которые уехали в Москву — одна сразу после школы, другая через год. И теперь звонят раз в две недели, всегда с просьбой перевести хоть пять тысяч «на книжки». Куда на самом деле идут эти деньги, было непонятно. Думал про тёщу, которая живёт в соседнем подъезде и каждое воскресенье приходит «проведать внучек», хотя знает, что внучки уехали, и начинает пилить зятя: «Не мужик, а тряпка, ни детей удержать, ни жену обеспечить». Думал про то, что на заводе опять задержали зарплату на неделю — и это при том, что завод оборонный, бюджетные деньги капают, но до слесарей они доходят с таким скрипом, будто их через сито процеживают.

Семён крутил педали и думал: «Хорошо, что есть мастерская». Там он по вечерам, после смены, если оставались силы, возился с железом. Это увлечение появилось случайно — знакомый с работы попросил выковать накладку на щит, за ним другой, третий. Теперь у него постоянные заказчики: ребята, которые играют в исторические ролевки, или те, кто снимают короткие фильмы про викингов, или фанаты, которым нужен «настоящий» меч или копьё. Денег это приносит копейки, но эти копейки Семён откладывал на чёрный день, а потом всё пересылал дочкам, и снова откладывал. Ещё тратил их на бензин для генератора — потому что в промзоне электричество отключают каждый месяц на неделю, а то и

на две. Генератор он собрал из двух списанных, получился один еле живой, но своё дело делает.

Вчера вечером, например, доделывал шлем — норманнский, с полумаской. Заказчик — парень из соседнего города, Лёха, не то программист, не то менеджер — попросил к летнему фестивалю. Семён выбивал молотком по металлу, и в голове становилось пусто и ясно: удары молотка, шипение генератора, и никого рядом. Жена в такие вечера звонила раз десять: «Ты где? Опять в своём сарае? Кому это надо?» Семён не отвечал. Он смотрел, как металл принимает форму.

Город просыпался. Семён ехал по улице Ленина, мимо старой гостиницы, мимо магазина «Продукты», где уже мыли витрины, мимо остановки, где толпились люди с такими же уставшими лицами. На завод он сворачивал через парк, там дорога короче. В парке было безлюдно и зелено, на лавочках сидели только две ранние бабки с палками, переругивались о чём-то. Семён вырулил на асфальтированную дорожку, проехал мимо фонтана, который не работал уже лет пять, и выкатился к заводской проходной.

И остановился.

Потому что проходная была закрыта.

Ворота — железные, высокие, с колючей проволокой сверху — были наглухо задвинуты. Калитка, через которую обычно заходят рабочие, тоже заперта. И на турникетах — ни охранника, ни даже того вечно сонного мужичка, который проверяет пропуска. Только пустая будка, и лампа на потол-

ке горит, а внутри никого.

А народу уже собралось — человек пятьдесят, не меньше. Семён слез с велика, прислонил его к забору, огляделся. Узнал Сергея из соседнего цеха, Коляна-фрезеровщика, тётю Зину из бухгалтерии. Все стояли, курили, о чём-то переговаривались, но голоса были тихие, растерянные. Кто-то пытался заглянуть в соседнее помещение, но там было темно. Стучали в ворота — никто не открывал.

— Что случилось-то? — спросил Семён у Сергея.

— А хрен его знает, — Сергей пожал плечами. — Приехал в полшестого — никого. Обычно хоть охранник на месте. А тут пусто.

— Может, авария?

— Какая авария? Даже свет горит, глянь.

Семён посмотрел на фонари над проходной — они горели. И лампочка в будке тоже горела. Всё работало, а людей не было.

Народ подтягивался. Через десять минут было уже человек сто. Одни сидели на лавочке у забора, другие стояли группками. Многие пытались дозвониться до начальников. Семён достал свой старенький смартфон, доставшийся от дочки после того, как ей купили новый, и набрал номер мастера. Гудки шли, но никто не брал. Начальник цеха тоже молчал. А в диспетчерской вообще не отвечали, как будто трубку сняли и положили рядом.

— Да что за херня? — сказал Колян, сплюнув. — Я с пол-

шестого здесь торчу, никто ничего не объясняет.

— Может, какие учения? — робко спросила девушка из отдела кадров.

— Учения, Тань? Ты видела, чтобы учения проводили без народа?

Тут подкатила полицейская машина. Обычный УАЗ, белый, с синей полосой. Из него вылез капитан — молодой, но с уже усталым лицом, — оглядел толпу, спросил: «Кто старший?» Ему никто не ответил, потому что старшего не было. Тогда капитан полез обратно в УАЗик, взял рацию, что-то сказал, его не поняли, он выругался и захлопнул дверцу.

Вскоре подошли ещё двое: начальник третьего цеха, Игорь Анатольевич, и начальник цеха номер пять, дядька в очках, которого все звали Профессор. Они поговорили о чём-то с капитаном — охранник всё-таки объявился, вылез откуда-то сбоку, открыл калитку — и скрылись в здании.

Народ ждал. Самые нетерпеливые уже начали возмущаться: «Мы тут не нанимались стоять!», «Пусть объяснят, когда работать будем!», «Может, зарплату не дадут за простой?» Последнее сказал фрезеровщик Колян, и все напряглись, потому что про зарплату — это больное.

Минут через двадцать вышли все трое. Капитан — красный, будто его только что отчитывали. Игорь Анатольевич — бледный, с трясущимися руками. Профессор молча поправил очки и отошёл в сторону.

К народу вышел мужик в гражданском — Семён его рань-

ше не видел. Позже узнал, что это зам по безопасности, не то из бывших ФСБ, не то из полиции, сидел обычно в отдельном крыле, куда никого не пускали. Мужик был немолодой, седой, с тяжёлым взглядом. Он поднял руку, и толпа замолчала.

— Товарищи, — сказал он. Голос у него был хриплый, как после бессонной ночи. — Ситуация следующая. Вчера, в восемнадцать тридцать, на завод поступила телефонограмма. Откуда — я вам сказать не могу, потому что сам не знаю. Бумага пришла за подписью... ну, неважно. Суть в том, что всё руководство — от директора до главного инженера — в экстренном порядке покинуло территорию. Вчера, в девятнадцать ноль-ноль, они выехали из города. На чём и куда — неизвестно. Сейчас ни один из них на связь не выходит.

В толпе зашумели.

— Тише! — повысил голос зам. — Я такой же работяга, как и вы. Я не знаю, что произошло. Никто не знает. Звонки в мэрию не проходят. Областные тоже молчат. Военные — а мы, вы знаете, относимся к оборонке — тоже не отвечают. Всё, что мне сказали, — это разогнать людей по домам. Сегодня завод не работает. Завтра — неизвестно. Ждите указаний.

— А зарплата? — крикнул кто-то из толпы.

— Зарплата... — зам помолчал. — Зарплату перечислят. Если завод не закрыли. А закрыли или нет — я не знаю.

Он повернулся и ушёл обратно через проходную. Капитан

сел в УАЗ и уехал. Игорь Анатольевич и Профессор остались стоять, переглядываясь, и было видно, что они понимают не больше, чем рабочие.

Народ ещё долго не расходился. Все стояли, курили, переговаривались, и в воздухе висела тревога. Семёну почему-то подумалось, что сейчас по телевизору идёт «Лебединое озеро». Он прислонился к забору, снял кепку, вытер лоб. Солнце уже припекало, на асфальте дрожало марево. Он посмотрел на свои руки — почерневшие от масла и металла, с мозолями на ладонях — и подумал: а может, и к лучшему?

Но сразу же отогнал эту мысль. Потому что если завод закроют, то что он будет делать? Жена сказала вчера: «Ты ничего не умеешь, кроме своих железок». А про мастерскую сказала: «Зарабатываешь ты там только на бензин». Может, и правда. Может, и права она, он никто и звать его никак.

Он вздохнул, сел на велик и поехал обратно. Не домой. В мастерскую. Потому что там, за ржавыми воротами, было тихо и пахло маслом и окалиной. Там он чувствовал себя нужным, и отпускала головная боль, которая мучила его постоянно.

А дома его ждала жена. Она не знала, что случилось на заводе. Он положил телефон на верстак, взял в руки заготовку для шлема и ударил молотком. И в ударе этом было всё: и завод, и жена, и дочки, и тёща, и сорок пять лет, которые ушли неизвестно куда. И только когда металл зазвенел под рукой, он почувствовал облегчение.

Он провозился со шлемом, совсем не замечая, как летит время. Поправил заклёпку, прошёлся по краю напильником, полирнул тряпкой. Руки делали своё, а голова оставалась там, у проходной, в толпе растерянных людей. «Выходной, — подумал он. — Какой, нахер, выходной, если завод оборонный? Они ж не закрываются просто так». Он хотел уже набрать Сергея, спросить, не появилось ли новостей, но телефон валялся на верстаке, и брать его не хотелось. Потому что там, в телефоне, были сообщения от жены. Он это знал. Она звонила каждые полчаса, он чувствовал вибрацию, но не отвечал. Что он ей скажет? «Завод закрыли, я не знаю, что дальше»? Она сразу начнёт: «А я тебе говорила, а ты не слушал, а что теперь делать, а как жить, а ты никто и звать тебя никак». Ему не нужен был этот разговор. Не сейчас.

После обеда несколько раз глухо бухнуло — далеко, за городом, со стороны части. Пол под ногами чуть дрогнул, в окошке звякнуло стекло. Семён даже головы не поднял. У ракетчиков на полигоне такое бывало — то учения, то стрельбы, то старые заряды подрывали, и в городе к этому давно привыкли. Окошко мастерской смотрело в степь, а не на город. Генератор тарахтел над самым ухом, молоток звенел, а в наушниках мужик с хрипотцой рассказывал, как правильно сваривать пакет для дамаска. Потом бухать вроде бы перестало.

Он отложил готовый шлем, вытер руки ветошью, подошёл к рукомойнику. Вода холодная, пахла ржавчиной, но лицо

сразу посвежело. Время позднее, но он совсем не жалел, что провёл весь день в мастерской. Семён посмотрел в маленькое зеркало, висевшее на стене, — оно треснуло ещё при отце, но он так и не заменил, привык. На себя смотреть не хотелось. Он натянул кепку, застегнул куртку, засунул телефон в карман и собрался на улицу.

Семён постоял на пороге, оглядел своё убежище и полез в карман за телефоном.

Он ожидал десяток пропущенных — ну, пятнадцать. Но когда экран засветился, у него перехватило дыхание. Девяносто девять пропущенных. Семьдесят три от жены. Девять от Лизы — старшей дочки. Остальные от младшей, Кати, и от каких-то незнакомых номеров, даже от мастера с завода, который никогда ему не звонил. Семён вырвал из ушей наушники — маленький плеер размером со спичечный коробок, дочки прислали на Новый год, и он с тех пор с ним не расставался. Вот и сегодня он весь день слушал книгу про ковку дамаска.

— Твою мать, — выдохнул Семён.

В мессенджере горели три голосовых. Два от жены, одно от Лизы. От жены даже слушать не стал. Внутри всё перевернулось — не страх даже, а животное чувство, когда нутро сжимается в комок и адреналин бьёт в голову, и руки начинают дрожать. Он нажал на сообщение дочери.

Сначала в динамике шуршала пустота, затем послышалось дыхание — частое, прерывистое. Лиза всегда говорила

быстро, тараторила, а тут слова спотыкались, словно она задыхалась.

— Папа… папочка, тут горит всё… — голос дочери дрожал, и Семён услышал гул — низкий, ровный, как от большого мотора, — папа, мы будем прятаться в метро «Дмитровская»… любим тебя, папочка… пож…

Дальше пошли помехи. Шипение, треск, урчание, как если бы микрофоном провели по динамику. И запись оборвалась.

Семён стоял, сжимая телефон в руке, и не мог пошевелиться. В голове было пусто. Только одна мысль билась, как муха о стекло: «Что значит „горит всё“? Что значит „прятаться в метро“? Зачем метро? Это же Москва, далеко, за тридевять земель, что там может гореть?»

Он переслушал сообщение. Ещё раз. Ещё. В третий раз голос дочери уже не был голосом дочери — это был просто звук, набор частот, которые ничего не значили: включилась защита, и мозг перестал воспринимать информацию правильно. Семён нажал на сообщение жены. Он не хотел, но пальцы сами нажали.

Там был крик, истерика, паника. Крик — в пустоту, в никуда. Жена орала про взрывы, про то, что не может дозвониться до мамы, что Семён козёл, что он даже не взял трубку, что он бросил их всех, что она не знает, что делать, а за окном, за окном, боже, что там за окном. И где-то на фоне — такой же гул, как у Лизы, только дальше, тише, но такой

же ровный и страшный.

Потом короткий гудок — и всё.

Семён вылетел на улицу. Город внизу горел.

Не весь. Не так, как в кино — сплошным огнём и дымом. А по-другому. Кое-где полыхали оранжевые сполохи, в небо поднимались чёрные столбы, и они не рассеивались, а росли, становились толще, захватывали новые кварталы. Там, где раньше горели ровные квадратики окон, теперь вспыхивало багровое, и доносился звук — нет, не взрывов, а низкий утробный гул, будто земля разевала пасть.

Семён смотрел на город, который знал с детства. Он не видел, горит ли его дом. Но он знал, что там, внутри, его жена. Одна. Без него. Потому что он ушёл в свою мастерскую, потому что он боялся её голоса, потому что он всегда боялся, и прятался за железками, и думал, что это пройдёт, что он успеет всё наладить.

Телефон выпал из рук. Упал в траву, и свет на экране ещё секунду освещал мокрые стебли, а потом погас.

Семён не помнил, как оказался у ворот. Не помнил, как спускался с холма, как бежал по промзоне мимо ржавых ангаров, как споткнулся о рельсы и разбил колено. Он просто бежал. Туда, вниз, в этот грохочущий, полыхающий город, где в квартире на пятом этаже сидела его жена, которая последнее время пилила его за отпуск, за безденежье, за то, что он никто. И он бежал к ней.

А сзади, на холме, в мастерской, остались лежать на вер-

стаке доделанный шлем и ржавый молоток. И тихо гудел генератор, который Семён забыл выключить.

Ему было сорок пять. И он только сейчас понял, что ловушка, в которой он жил все эти годы, была не тюрьмой, а домом.

Глава 2. Ад

Семён бежал.

Город больше не был городом. Он стал похож на муравейник, который пнули сапогом. Вся главная улица была заставлена машинами. Одни стояли брошенные, с открытыми дверьми. Другие — разбитые, с выбитыми стёклами, с вмятыми боками. Дальше — перевёрнутый прицеп грузовика, потом ещё один. Автобус лежал на боку, из его окон торчали вещи, чьи хозяева собирались в дорогу, да так и не уехали.

Первого мёртвого Семён увидел на въезде в город.

Мужик лежал прямо посреди дороги, лицом вниз. Семён сперва подумал — пьяный. Но когда пробегал мимо, краем глаза увидел, что половины туловища нет. Всё, что ниже пояса, превратилось в месиво. Крови было много, она ещё не засохла, блестела на асфальте.

Семён отвернулся и побежал дальше. В этот момент в паре кварталов от него рвануло. Взрывная волна пронеслась по району, стёкла вылетали фонтанами мелких осколков.

Семён на мгновение сбился, но, собравшись, продолжил бежать.

Потом трупов стало больше. Они лежали на тротуарах, у подъездов, в машинах. Один сидел, прислонившись к стене, и голова его висела так, как у живого человека висеть не может. Другой лежал лицом в лужу, и лужа была красной. Се-

мён не считал, но краем сознания отмечал всё, что увидел. Со стороны казалось, что он просто бежит, глядя себе под ноги, чтобы не споткнуться. Но мозг упорно фиксировал всё, что встречалось по дороге к дому.

Он скинул куртку на бегу. Рубашка сразу прилипла к спине, и он расстегнул её сверху, до середины груди. Взмок, дыхание сбивалось, но Семён не останавливался. Глаза уже не замечали того, что творилось вокруг. Он видел только дорогу, только свои ноги, только то, что впереди — дом.

Перед самым домом пришлось перелезать через завалы. Соседняя пятиэтажка обвалилась. Не вся, а одна секция — сложилась, как карточный домик. Кирпич, арматура, доски, пыль, которая до сих пор не осела, стояла в воздухе мутным облаком.

Его дом стоял. Странно, но уцелел. Стёкол на окнах, выходящих в сторону завода, не было.

«Только бы она была дома, — стучало в голове. — Только бы жива».

В подъезд он влетел с разбегу. Сразу на лестницу, перепрыгивая через ступеньки, держась за перила, срывая кожу с ладоней. Второй этаж, третий, четвёртый.

На пятом он полез в карман за ключами.

Куртка. Он выкинул куртку. А с ней — ключи.

Семён выругался, отошёл на шаг и ударил ногой по старой, ещё с советских времён, двери. Раз. Потом ещё раз, сильнее. Дверь не поддалась. Тогда он развернулся и ударил

плечом. Плечом, с разворота, со всей дури. Дверь хрустнула, замок вылетел из косяка, и Семён ввалился внутрь.

В прихожей было темно и тихо.

— Света! — крикнул он.

Никто не ответил.

Он прошёл на кухню. Пусто. Заглянул в спальню. Пусто. Кровать не заправлена, на тумбочке кружка с недопитым чаем.

Семён выбежал обратно в коридор и остановился. Мысли путались. Он хлопнул себя по карманам — телефон остался там, в траве возле мастерской.

Тёща. В соседнем подъезде.

Он вылетел на лестницу, сбежал вниз, выскочил на улицу и метнулся к соседнему входу. Дверь была не заперта. Он взлетел на третий этаж, забарабанил кулаком.

— Света! Открывай!

За дверью послышались шаги. Щёлкнул замок, и дверь приоткрылась.

На пороге стояла Света.

Живая. Целая.

Семён не дал ей сказать ни слова. Схватил, прижал к себе, прижался лицом к её волосам, от которых всё так же пахло дорогим шампунем.

— Прости, — выдохнул он. — Прости, что не был рядом.

Света всхлипнула. Потом ударила его кулаком в грудь. Не сильно, по-бабьи, вымещая обиду, которая копилась послед-

ние годы.

— Идиот, — сказала она сквозь слёзы. — Идиот!

Из комнаты доносился плач. Тёща сидела на кровати, бледная, с поджатыми губами, и одной рукой держалась за сердце.

— У неё приступ, — выдохнула Света. — Я не знаю, что делать. Скорая не приезжает, дозвониться нельзя.

Семён посмотрел на тёщу. Та никогда его не любила. И сейчас смотрела волком, даже сквозь боль. Но он вдруг подумал — какая разница.

Он обернулся к жене, взял её лицо в ладони.

— Я здесь. Всё будет хорошо.

И сам не знал, верит ли в это.

Но Света кивнула.

А за окном всё ещё горел город.

— Расскажи, только быстро, что здесь было, — сказал он Светлане.

— Что ты за мужик такой, — пробурчала тёща из комнаты, — даже не знаешь, что произошло. Где тебя черти носили?

Семён проигнорировал, но внезапно вступилась жена:

— Мама, хватит.

От её слов тёща ещё больше заохала и закрыла дверь в комнату.

— Нас бомбили, — сказала Света. — Всё, что в новостях последние годы говорили, оказалось не просто трёпом. Наш

Зареченск, Оренбург, Орск, Самару — это точно бомбили. Что там дальше, не знаю.

— Москву тоже, — ответил Семён и сразу поднял руки в успокоительном жесте. — Девочки в метро, на станции «Дмитровская». Я сообщение получил.

Света ждала продолжения и без сил опустилась на кухонную табуретку. Семён налил воды в стакан и подал ей.

— Девочки наши… Что делать-то, Сёма… — запричитала Светлана.

— Больше ничего не знаю. Думаю, нам уходить надо. Бомбить продолжают. Одна бомба почти рядом со мной упала. О девочках не беспокойся. Они в безопасности.

При этих его словах Светлана охнула.

— А куда мы пойдём-то?

— В отцовский дом. Он не пострадал. Пока там пересидим. Во дворе погреб серьёзный, мы его с батей вместе строили. Там легко поместимся, и консервы есть.

Света задумалась.

— Света, уходить надо сейчас. Под городом склады. Часть РВСН рядом. Это только начало.

— Прости меня, пожалуйста, — Света встала и обняла мужа. — За всё.

— Всё хорошо, родная. Потом. Надо идти.

— Да, конечно. Мама, собираемся. Мы в наш дом идём, там у нас подвал и запасы Семён сделал. Здесь небезопасно.

Семён оставил жену уговаривать тёщу, а сам вернулся в

свою квартиру и наскоро набил две сумки вещами, забрал двухстволку и пачку патронов, что остались от отца. Из шкафа выдернул новую спецовку — ту самую, с биркой. Вот и пригодилась. Оглядел квартиру, опомнился и наскоро прикрутил замок. Потом подхватил собранное и, закрыв запасным ключом их двушку, повернулся к лестнице.

Он вернулся к тёще. Света уже собрала её вещи и помогала матери подняться с кровати. Та была бледная, губы синие, руки тряслись. Но встала.

— Таблетки дала? — спросил Семён.

— Дала. Валокордин, нитроглицерин. Говорит, легче.

— Легче, легче, — прошамкала тёща зло. — Только вот идти... куда вы меня тащите?

— Туда, где не убьют, — ответил Семён и подставил плечо. — Беритесь.

Тёща нехотя уцепилась за него. Света взяла вторую сумку, огляделась, будто прощалась с квартирой, и вышла следом.

На лестнице тёща охала на каждой ступеньке, но шла. Семён поддерживал её под руку, чувствуя, как дрожит её тело. Света шла сзади, молчала.

На улице воздух был горький, от него першило в горле.

— Долго идти-то? — проскрипела тёща.

— Часа два, — сказал Семён. — Если без остановок.

— С ума сошёл...

— Мам, не начинай, — устало бросила Света.

Они двинулись по разбитой улице, обходя груды кирпи-

ча и битого стекла. Город дышал гарью. Где-то далеко ухали взрывы. Семён шёл вперёд, тащил тёщу, и думал только об одном: успеть до темноты.

Всё, что он увидел, пока бежал, отпечаталось в памяти. И сейчас те трупы на дороге стояли перед глазами. Тот мужик без половины туловища. Бабка у подъезда с вывернутой головой. Парень в разбитой машине — уронил голову на руль, кровь уже засохла, приклеила щёку к пластику. Картинка в голове была чёткая, как фотография. Он помотал головой, но она не уходила.

— Света, иди сзади меня. И по сторонам старайся не смотреть.

Жена только кивнула. Шепнула что-то тёще, та забормотала, но послушалась. Теперь они шли гуськом: Семён впереди, Света за ним, тёща за ней, вцепившись в дочь мёртвой хваткой.

До продуктового дошли быстро. Магазин был ещё цел, витрины выбиты, но стены стояли. Семён хотел было предложить зайти, поискать воду, но не успел.

Взрыв ударил со спины.

Сначала воздух ушёл из лёгких, словно его вышибли кувалдой. Следом пришёл звук — не грохот даже, а хруст, будто мир сломался пополам. Семёна бросило вперёд, он устоял на ногах, обернулся.

Тёща ойкнула и осела. Просто подогнулись колени, и она сползла на землю, как мешок. Глаза закрыты, губы что-то

шепчут, но без звука.

— Мама! — Света кинулась к ней, но Семён перехватил её за руку.

— Стой. Я сам.

Он подхватил тёщу под мышки, отволок к стене магазина, подальше от открытого места. Усадил на мостовую, заваленную кирпичной крошкой. Голова свесилась набок. Но тёща дышала. Живая.

— Я сейчас.

Не глядя на жену, он рванул к соседнему дому. Там с начала месяца строители возились — детскую площадку делали. Семён каждый день мимо проезжал на велосипеде, видел их инструмент, бетономешалку. Ругался про себя на пробки, которые они создавали.

Сейчас он молился, чтобы они ничего не убрали.

Не убрали. Тачка стояла там же, у забора, чуть присыпанная пылью. Семён схватил её за ручки, выкатил на дорогу и побежал обратно.

— Грузим, — сказал он Свете.

Она посмотрела на него как на полоумного.

— Ты что, с ума сошёл? Её нельзя трясти, у неё приступ!

— Света, следующая прилетит по нам. Помогай.

Она помолчала секунду. Потом подхватила мать под ноги, Семён взял под мышки, и они вдвоём погрузили тёщу в тачку. Та даже не ойкнула. Только свесила руку и затихла.

С тачкой скорость увеличилась. Семён катил её перед со-

бой, Света шла рядом, придерживая голову матери, чтобы не болталась. Они уже не плелись, как черепахи. Трупы, разруха, пожары — всё это выглядело как страшный сон, от которого не проснуться.

Потом появился запах. Новый. Кисловатый, сладковатый, противный. Он лез в нос, смешиваясь с гарью, от которой уже саднило горло. Семён вспомнил этот запах. Однажды на заводе у них рванула ёмкость с химией. Так же пахло тогда — кислятиной и смертью.

Он открыл сумку, вытащил две майки, разорвал их пополам. Одну повязал на лицо себе, вторую протянул Свете.

— Намотай. И матери тоже.

Света послушалась. Тёща даже не шелохнулась, когда жена затягивала тряпку у неё на лице. Она так и не приходила в себя.

По дороге за всё время промчался только один УАЗик — полицейский, белый с синей полосой. Забитый под завязку людьми, он летел на большой скорости в сторону выезда из города. Семён даже разглядел лица: бледные, перекошенные страхом.

«Уезжают, — подумал он. — Кто может — уезжает».

До дома оставалось совсем немного. Уже показались старые тополя, за которыми начиналась промзона, а за ней — холм и мастерская. Семён прибавил шаг. Света еле поспевала рядом.

И тут снова взорвалось.

Удар пришёлся правее, ближе к заводу. Земля дрогнула, тачка подпрыгнула. Тёща застонала, но не открыла глаза.

Семён остановился, перевёл дух, оглянулся. Город за их спинами полыхал. Чёрный дым поднимался всё выше, закрывая небо.

— Погнали, — сказал он.

И они покатили дальше.

Всё, наконец-то добрались.

Семён вкатил тачку во двор, остановился у погреба, под навесом. Крышка была обшита железом ещё отцом — на совесть, чтобы никакой грызун не проник. Он опустил ручки тачки, выпрямился.

Стало немного спокойнее.

В этом доме он всегда чувствовал себя человеком. Не винтиком на заводе. Не мужем, который вечно должен. Не зятем, который всё делает не так. А просто Семёном. Тем самым, каким был в детстве, когда бегал в этом дворе босиком и ничего не опасался.

— Давай, — сказал он Свете. — Помогай.

Он достал из сарая пеньковую верёвку и обвязал тёщу под мышками — крепко, чтобы не соскользнула. Закрепил конец и спустил её в погреб почти до самого пола. Света сверху придерживала мать за голову, пока Семён слезал по лестнице. Внизу он принял тёщу на руки и уложил на старый матрас, который лежал здесь так давно, что Семён уже и не помнил, откуда он взялся.

Тёща так и не очнулась. Лежала пластом, дышала хрипло, но дышала. И слава Богу.

Семён вылез наверх, забежал в дом, собрал всё съестное, что было в шкафах, прихватил банки с тушёнкой, крупы, спички, оставшиеся свечи. Закинул в рюкзак, сгрёб в охапку и понёс в подвал.

Только когда крышка, обшитая железом, закрылась над ними, Семён в первый раз за этот день выдохнул.

Всё тело ломило. Каждая мышца кричала. Плечо, которым он выбивал дверь, горело огнём. Ноги дрожали. Он сел на перевёрнутый ящик, опустил голову.

— Одеяла забыл, — сказал он тихо.

Света не ответила.

Он снова вылез наверх. Нашёл в доме старые одеяла, спальник, подушки. Сложил всё в кучу, спустил вниз.

В подвале уже горел огонь. Светлана разожгла сухой хворост в старой железной печке, которую отец поставил ещё когда мама Семёна была жива. Тлело, чадило, но тепло пошло. Как и у всего в отцовском доме, у печки было своё предназначение: отец коптил на ней мясо и рыбу. Две заслонки — одна перекрывала трубу и гнала дым в коптильню. Сейчас дым уходил по трубе во двор.

— Чайник поставила, — сказала Света. — Не знаю, заварится ли.

Семён кивнул. Подошёл к тёще, поправил под головой свёрнутый свитер. Та дышала ровнее, лицо уже не такое се-

рое. Может, отпустит.

Подвал был просторный. Когда-то отец ставил сюда бочки с солениями — капуста, грибы, огурцы. Держал целое хозяйство, продавал на базаре, это помогало выжить с нищенской пенсией. Потом ещё хотел грибы выращивать, вон те полки для того и готовил.

Но после смерти матери всё пошло прахом. Отец сник, забросил дела, а через два года ушёл следом. Семён тогда долго не мог простить себе, что не настоял, не перевез его к себе, не ухаживал. Просто оставил здесь одного, думал — справится.

Справился. Только по-своему.

Он оглядел подвал: бочки с солью, мешки с крупой в углу, ряд банок с консервами, сделанными по отцовским рецептам, вдоль стены. Отец всегда делал запасы на чёрный день, Семён это продолжил.

Чёрный день настал.

Семён подбросил в печку ещё пару поленьев, сел на ящик рядом со Светой. Она молчала, смотрела на огонь. В её глазах отражались языки пламени, и он не мог понять — слёзы это или просто свет.

— У нас получится? — спросила она тихо.

— Должно, — ответил Семён.

Он взял её руку, сжал. Холодная.

Сверху, сквозь толщу земли и бетона, доносился глухой гул. Город продолжал гореть.

А в подвале было тепло и даже где-то уютно.

Глава 3. Дмитровская

Лиза позвонила сестре в одиннадцатом часу.

— Ты спишь, что ли?

— Уже нет, — буркнула Катя. Голос был сиплый, сонный. Смена в пиццерии кончилась в пять утра. — Чего тебе?

— Пошли гулять.

— Лиз, я три часа спала.

— На улице двадцать два градуса. Двадцать два, Кать. Май. Пар у тебя нет, у меня тоже. Пятница, Кать. Впереди выходные. Вставай.

Катя полежала, посмотрела в потолок съёмной однушки, где по углу шла жёлтая полоса потёков от соседей сверху. Потом всё же встала.

На прогулку сёстры вышли к полудню. Солнце стояло высоко, светило ласково, по-весеннему, не обжигая. Во дворах у Дмитровской цвела сирень, под ногами лежал тополиный пух, первый, редкий. Пахло мокрым асфальтом: с утра прошли поливалки.

Девушки шли не спеша. Торопиться было некуда, и от этого обеим было немного неловко. В Москве всегда куда-то торопишься: на пары, на смену, в метро, за квартиру платить. А тут целый день, и он ничей.

Торговый центр стоял через дорогу, большой, стеклянный, с фонтаном и катком внутри. Зашли просто так. Посто-

яли у витрины с телефонами. Новые модели лежали на подставках, тонкие, блестящие, с ценниками, на которые лучше было не смотреть.

— Вот этот, — сказала Катя, ткнув пальцем в стекло. — Камера какая. Три объектива.

— Ага. Две моих зарплаты.

— Три зарплаты.

— Три, — согласилась Лиза.

Свой старый телефон она отдала папе, когда ей купили новый. Папа тогда долго вертел его в руках, будто ему подарили что-то дорогое, а не трубку с треснутым уголком. Сказал: «Ну, теперь я как молодой». И носил потом в нагрудном кармане, застёгнутом на пуговицу, чтоб не выпал.

Потом взяли по стакану апельсинового сока, свежевыжатого, с мякотью. Выпили прямо у стойки и пошли к выходу. У выхода Катя увидела мороженое.

— Нет, — сказала Лиза.

— Да.

— Кать, мы только что…

— Да, Лиза. Весна. Имеем право.

Взяли по рожку. Катя — фисташковое, Лиза — пломбир с шоколадной крошкой. Вышли на Дмитровское шоссе, на солнце.

Москва шумела вокруг: машины, автобусы, самокаты. Где-то играла музыка. На лавочке у остановки старик кормил голубей булкой из пакета. Мимо прошла девушка, ведя

на поводке собаку в жёлтом комбинезоне.

Хорошо было. Настроение было отличное, и домой идти совсем не хотелось.

Лиза перебралась в Москву первой, сразу после школы. Ехала поступать на актрису. Три тура прошла, на четвёртом срезалась: сказали, фактура есть, а школы нет. Она проплакала два дня в хостеле на Курской, а на третий пошла и подала документы в колледж на повара-кондитера. Назло. Чтобы не возвращаться домой ни с чем. Думала, на год, а потом опять пробовать. Год прошёл, а она так и осталась в колледже. Неожиданно понравилось: тесто, крем, глазурь. Работать руками у неё всегда получалось.

Через год приехала Катя. Поступила в медицинский с первого раза, на бюджет, хотя все говорили, что из их города туда не поступают. Катя никого не слушала. Она вообще мало кого слушала, кроме папы.

Обе были в отца. Высокие, стройные, ладные. На голову выше половины однокурсниц. И руки у обеих росли откуда надо. Лиза могла починить кран, перебрать розетку, собрать шкаф без инструкции. Катя уже на первом курсе, пока ехала скорая, вернула к жизни пожилую соседку, которой вдруг стало плохо в подъезде. Подружки только ахали: «Девчонки, вы откуда такие?» А они знали откуда — из папиной мастерской. С детства там крутились, подавали ключи, держали заготовки, глядели, как металл краснеет в горне.

Папа помогал как мог, хоть и работал на заводе, где зар-

плату задерживали через раз. А на расходы им всё равно переводил. Но Москва есть Москва. Денег не хватало катастрофически. Комната, проезд, еда, дополнительные учебники, форма. Мама по телефону вздыхала: «Возвращайтесь, чего вы там мучаетесь».

Тогда Лиза устроилась в бургерную на Тверской. Смены по двенадцать часов, запах фритюра, жир, который не отстирывался. Потом и Катя нашла ночную пиццерию недалеко от дома. С вечера до пяти утра, а утром на пары. И так сутки через двое. График оказался не такой уж страшный. Денег стало хватать. Сняли однушку на Дмитровской, свою, без соседок. И даже начали откладывать понемногу.

Папе про работу не говорили. Расстроился бы, что дочки по ночам пиццу пекут вместо учёбы. Звонили раз в две недели, иногда просили «на книжки», чтобы он не думал, что уже не нужен.

А на Новый год отправили ему посылку. В ней лежал маленький плеер, размером со спичечный коробок, с хорошими наушниками. Копили на него три месяца. Катя загрузила туда аудиокниги про ковку, про булат, про дамаск: всё, что нашла. Папа позвонил тогда, и голос у него был странный, сдавленный. Сказал только: «Девчонки… Ну вы даёте». И долго молчал в трубку.

Мороженое таяло, текло по пальцам. Катя слизывала его с рожка, жмурилась на солнце. Лиза смотрела на неё и думала: какая она стала взрослая. Вспомнила её в белом халате —

важная, вообще не узнать.

Впереди были выходные. Впереди было лето, сессия, потом каникулы, можно домой съездить, к папе в мастерскую. Впереди была вся жизнь.

В воздухе что-то лопнуло.

Негромко, как детская хлопушка. Высоко, над крышами, над стеклянными башнями за Савёловским. Лиза подняла голову. Небо было чистое, синее, только в одном месте висело маленькое серое облачко, как клочок ваты.

— Это что? — спросила она.

Катя не ответила. Тоже смотрела вверх.

Хлопнуло ещё раз. Потом ещё. Чаще. Ближе. Облачков стало три, пять, десять. Они вспухали в синеве одно за другим, беззвучно, а звук приходил следом, с опозданием: хлоп, хлоп, хлоп-хлоп.

Кто-то закричал.

Лиза не поняла, кто и где. Просто крик, женский, высокий. Потом второй. И люди вокруг вдруг побежали. Не в одну сторону, а во все сразу, как муравьи, когда разворошишь муравейник. Мужик с портфелем бежал в сторону центра. Девушка с собакой назад, к дворам. Старик с голубями так и сидел на лавочке, задрав голову, с булкой в руке.

Лиза застыла. Мороженое шлёпнулось на асфальт. Она смотрела на бегущих людей и не могла понять, куда бежать им. Ноги стали ватные, чужие.

А Катя уже не смотрела в небо.

На втором курсе у них была безопасность жизнедеятельности и медицина катастроф. Все над этим предметом смеялись, прогуливали, спали на лекциях. А Катя ходила. Сидела в первом ряду, писала конспект. Преподаватель, отставной военврач с седыми усами, говорил: «Девочки, мальчики, вы меня не слушаете. Зря. Когда начнётся, думать будет некогда. Будет только то, что в голове уже лежит».

Сейчас в голове лежало: укрытие. Ближайшее, глубокое. Не подвал, не подземный переход. Метро. Глубокое метро.

Она схватила сестру за руку. Пальцы у Лизы были липкие от мороженого.

— Лиза. Лиза! Бегом!

Развернулась и потащила её к перекрёстку, туда, где над входом висела красная буква «М».

Метров триста. Может, четыреста. Они бежали по тротуару, лавируя между людьми. Кто-то толкнул Лизу плечом, она чуть не упала, Катя дёрнула её за руку, удержала.

А потом стало светло.

Не просто светло. Белым-бело, как будто над городом включили гигантскую фотовспышку и забыли выключить. Тени на асфальте вдруг стали чёрными, резкими, вырезанными ножницами. Лиза зажмурилась, но свет пробивал сквозь веки, красный, горячий.

Далеко, на юге, за крышами, вспух огненный шар. А под ним многоэтажки, целый квартал, просто сложились. Беззвучно, как карточные домики. Звук ещё не дошёл.

— Ложись! — крикнула Катя, но было поздно.

Ударная волна шла по городу, как цунами по морю. Толкала перед собой стену пыли, бетонной крошки, битого стекла, кусков того, что минуту назад было домами. Лиза видела, как она идёт: серая, клубящаяся, выше деревьев, выше домов. Видела, как из окон торгового центра, того самого, где они только что пили сок, разом вылетели все стёкла и полетели вперёд блестящим дождём.

Потом волна дошла до них.

Удар — как от огромной подушки, только каменной. Лизу оторвало от земли, швырнуло на тротуар и протащило по асфальту. Пыль забила рот, нос, глаза. Грохот был такой, что уши перестали слышать: только звенело, тонко и ровно, словно внутри головы натянули струну.

Она лежала, уткнувшись лицом в асфальт, и не могла понять, жива или нет.

Кто-то тряс её за плечо.

— Лиза! Лиза, вставай!

Голос Кати доносился как из-под воды, глухо, издалека. Лиза подняла голову. Катя стояла над ней на коленях, вся серая, в пыли с головы до ног, будто её вываляли в цементе. По виску текла кровь, тонкой струйкой, тёмной. Но глаза были живые и злые.

— Вставай! Слышишь? Вставай!

Лиза встала. Ноги держали. Руки тоже. Всё было на месте.

Совсем рядом, через дорогу, вспыхнуло здание, офисное,

высокое, с зеркальными окнами. Вспыхнуло сразу всё, снизу доверху, как свечка, как спичка, которую чиркнули о коробок. Жар дошёл даже сюда, ударил в лицо, как из открытой духовки.

— Бегом, Лиза! Немного осталось!

И толпа вокруг вдруг опомнилась. Те, кто лежал, поднимались. Те, кто бежал в разные стороны, вдруг увидели то же, что Катя: красную букву «М» над перекрёстком. И повернули туда. Все разом. Лавина людей хлынула к метро, и сёстры оказались внутри неё.

Лиза на бегу вытащила телефон. Экран треснул, но работал. Пальцы сами нашли номер: «Папа».

Гудки. Длинные, ровные.

Не берёт.

Она сбросила, набрала снова. Гудки.

«Папочка, ну возьми, ну пожалуйста…»

Не берёт.

Тогда она зажала кнопку голосового и поднесла телефон к губам.

И в этот момент весь мир заполнил звук.

Низкий, ровный, гудящий, как от огромного мотора. Он шёл сверху, с неба, и был так близко, что, казалось, можно поднять руку и дотронуться. Что-то пролетало над ними, над крышами, совсем низко. Хотелось упасть, вжаться в асфальт, закрыть голову руками и лежать, лежать, пока это не кончится.

Лиза говорила в телефон и не слышала собственного голоса:

— Папа… папочка, тут горит всё… папа, мы будем прятаться в метро «Дмитровская»… любим тебя, папочка… пож…

Её толкнули в спину. Телефон вылетел из пальцев, ударился о чьё-то плечо, она поймала его на лету, сама не зная как. Запись оборвалась. Отправилось или нет — она не видела. Не до того было.

Толпа втиснула их в открытую пасть метро.

Именно втиснула. Ноги Лизы перестали касаться пола. Её несло, сжатую со всех сторон чужими спинами, локтями, сумками. Где-то сбоку была Катя. Лиза чувствовала её руку, мёртвую хватку на своём запястье, и держалась за эту руку, как за последнее, что осталось на свете.

Двери. Турникеты, которые никто уже не открывал, их просто перелезали, перепрыгивали, сносили. Эскалатор. Толпа хлынула на него, как вода в слив, и эскалатор понёс их вниз. Люди стояли на ступенях, сидели, лежали, бежали по головам. Одни кричали, другие плакали, старушка, вцепившись в поручень, молилась вслух.

А потом наверху ударило снова. Совсем рядом.

Потолок над эскалатором вздрогнул. С ламп посыпалась пыль. Свет мигнул, погас, загорелся снова, тусклый, аварийный, красноватый.

Их вынесло на станцию.

Платформа кишела людьми. Они всё прибывали и прибывали сверху, а внизу им было некуда деваться, и толпа растекалась по платформе, спрыгивала на пути, уходила в тёмные тоннели. В обе стороны, в темноту, туда, где не было неба.

Лиза и Катя остановились у колонны. Прижались к холодному мрамору спинами. Стояли и дышали. Просто дышали.

От них больше ничего не зависело.

Катя первой сползла по колонне на пол. Лиза села рядом. Посмотрела на телефон. Сети не было. Голосовое висело с серыми часиками: не то отправлено, не то нет.

— Дошло? — спросила Катя.

— Не знаю.

Катя ничего не ответила, только взяла её за руку. Пальцы у обеих были липкие: мороженое, пыль, чья-то кровь, своя или чужая.

— Дошло, — сказала Катя. — Папа услышит. Он всегда всё слышит.

Наверху ударило ещё раз. Потолок станции вздрогнул, и по платформе прокатился стон, многоголосый, как один большой выдох.

Лиза закрыла глаза.

Где-то далеко, за две тысячи километров, в маленькой мастерской, папа стучал молотком по шлему и слушал в наушниках книгу про дамаск. И не брал трубку.

Глава 4. Что дальше, Сёма?

Семён сидел на перевёрнутом ящике, смотрел на огонь в печке и слушал, как тихо потрескивают дрова. В подвале было тепло. Тёща лежала на матрасе, укрытая старым одеялом, и, кажется, спала — дыхание стало ровнее, лицо уже не такое серое. Света пристроилась рядом, натянула на плечи старую отцовскую телогрейку, которую он нашёл в доме, когда поднимался из подвала последний раз.

Она молчала. Семён понимал, что это молчание опаснее любого крика.

— Сёма, — голос у неё был испуганный, чужой, тонкий. — Что делать-то будем? Лиза и Катя там...

Света не договорила. Семён увидел, как задрожал её подбородок, как глаза наполнились, но она сжала губы, сдержалась. Весь этот ад — взрывы, бег через город, трупы, мать с сердцем — она выдержала. А сейчас, в тишине, в тепле, когда опасность на время отступила, её накрыло.

Тело трясла мелкая дрожь. Не от холода. От всего, что было пережито за этот день.

— А что делать, Свет, — сказал Семён. Сказал твёрже, чем чувствовал. — Я за ними поеду. Заберу и домой верну. Вот сюда.

— А я? — она подняла на него глаза. — Мама? Одни останемся? Сём, ты что?..

— Погоди секунду.

Он поднялся, откинул тяжёлую крышку погреба, вылез наверх. Ночь уже накрыла землю, но темноты не было — горизонт на северо-западе полыхал багровым заревом. Горело везде. Небо над городом было не чёрным, а тёмно-красным, словно по нему разлили кровь. И где-то там, на северо-западе, со стороны РВСН, громыхало. Канонада не прекращалась.

«Солнце сегодня встанет на севере», — подумал Семён и полез в дом.

Виски он нашёл на верхней полке серванта. Стоял там уже полгода, красивая бутылка в картонной коробке, с золотым тиснением. Подарок от Лёхи — того самого, для которого Семён делал кольчугу и щит. Парень не жадный, расплатился деньгами и вот этой бутылкой. Семён её берёг. Не для пьянки, а так — памятная вещь.

Сейчас как раз тот случай.

В подвале Света сидела на том же месте, обхватив себя руками. Трясло её так, что зубы постукивали.

Он налил в кружку хорошую дозу, не жалея. Жене. Самому не хотелось — голова должна быть ясной.

— Вот, возьми, — Семён протянул кружку. — Отпустит сразу. Выпей, Свет.

Она взяла. Без пререканий. Не спросила, откуда. Просто поднесла к губам, сделала глоток, поморщилась, но выпила половину. Потом сжала кружку в ладонях и затихла. Семён

выдохнул.

— Закуси, — он сунул ей открытую пачку печенья, прихваченную из квартиры в последний момент.

Света отломила кусочек, пожевала.

— А как ты поедешь? Там же всё...

— Разберусь. — Семён сел рядом, положил руку ей на плечо. Она не отодвинулась. — На велике до трассы, там попутку поймаю. Или пешком. Главное — добраться. — Он сам не верил в то, что говорил, но это сейчас было неважно.

— Сём, ты же понимаешь... — она запнулась. — Что если... если они не успели в метро? Или метро завалило? Или?

— Не надо, Свет. — Он сказал это тихо, но жёстко. — Не надо сейчас. Мы с тобой про это подумаем завтра. А сегодня — мы живы. Мать жива. Мы дома. Остальное потом.

Она кивнула, вытерла глаза тыльной стороной ладони и допила остатки виски одним глотком.

— Ладно, — сказала она. — Ладно.

Семён убрал кружку, подкинул дров в печку. Железная дверца звякнула, из щели вылетел сноп искр.

— Я утром выйду, осмотрюсь и подумаю, — сказал он, не оборачиваясь. — Как рассветёт, часов в шесть. Может, чуть раньше. Пока ты с матерью здесь. Запасов нам на месяца два, если не больше. Захлопнетесь и не высовывайтесь. Никого не впускайте. Поняла? Я ружьё оставлю батино.

— Поняла.

Он повернулся к ней. Света смотрела на него другим

взглядом — не тем, который последние годы разъедал его. Она смотрела так, как смотрела когда-то, в молодости.

— Привези их, Сём, — сказала она. — Привези. Пожалуйста.

— Привезу, — сказал он.

И сам поверил в это. Потому что врать сейчас было нельзя.

Тёща так и не просыпалась. Лежала пластом, дышала ровно, но глубоко, как спят только очень уставшие или очень больные люди. Света после выпитого виски пристроилась на спальнике рядом, подтянула колени к животу и уснула сразу, мгновенно. Семён поправил на ней телогрейку, натянул повыше, укрыл плечи.

Сам он ещё долго сидел, смотрел на огонь через жаростойкое стекло. Языки пламени плясали, отбрасывали тени на стены, и в этих тенях ему чудились то отец, то мать, то дочки маленькими бегают по двору. Иногда он бросал взгляд на тёщу, потом на жену. Обиды, брошенные слова, упрёки — всё осталось там, в моменте, который чётко определился как ДО.

Нельзя сказать, что Семён вдруг воспылал всепрощающей любовью. Особенно по отношению к тёще. Она и сейчас, даже во сне, выглядела недовольной — брови сдвинуты, губы поджаты. Но в тот момент, когда он прослушал сообщение Лизы, что-то внутри встало на место. Как с металлом: подгоняешь деталь, вытачиваешь, подпиливаешь, и вот она готова

— и клик. Встала.

В голове щёлкнуло.

— Телефон...

Семён только сейчас вспомнил про обронённый в траву смартфон. Он откинул крышку погреба, вылез наверх. Небо было багровым, дым стоял стеной, но на их холме ветерок разгонял гарь, дышать можно было. Минут пять он шарил по траве, шаркал ногами, нагибался, щупал руками. Канонада вроде утихла, но горело и дальше — зарево на северо-западе стало ещё ярче.

Наконец пальцы нащупали знакомый корпус. Стекло треснуло, но экран засветился. Заряд — процентов пятьдесят, не меньше.

Семён спустился в подвал, вставил гарнитуру, зашёл в мессенджер. Сети не было, но непрочитанные сообщения сохранились. Он открыл их одно за другим. Большинство — ничего не значащие, от незнакомых номеров. Но одно привлекло внимание.

Мастер цеха. Голосовое.

Семён нажал на воспроизведение, прижал наушник к уху. Голос у мастера был усталый, но говорил он твёрдо:

— Семён, завтра собираю бригаду на разбор завалов. Всем быть к семи у проходной.

Сообщение пришло в половине первого.

Семён нахмурился. В половине первого за стеной мастерской ещё и бухать толком не начало. Откуда мастер так быст-

ро узнал про завалы?

Он переслушал сообщение от дочки. Ещё раз. Голос Лизы обрывался на полуслове, и этот обрыв резал по сердцу острее любого крика. Он отложил телефон на полку, привалился к кирпичной стене, закрыл глаза.

Перед глазами всё ещё стоял тот мужик без половины туловища. И бабка с вывернутой головой.

Посидел ещё немного, потом поднялся, подбросил в печку пару полешков, прикрыл поддувало, чтобы горели помедленнее. Укрыл тёщу вторым одеялом — она даже не шелохнулась. Поправил телогрейку на Свете, постоял, послушал её дыхание.

Потом сел на своё место, привалился к стене и закрыл глаза. Пол у печки прогрелся, и было уютно вот так сидеть возле огня.

Мысли крутились. Москва. Дочки. Метро «Дмитровская». Утром надо будет осмотреться, понять, на чём ехать, где взять бензин, не на велике же на самом деле.

Рядом тихо посапывала Света. Тёща забормотала что-то во сне.

В подвале было тепло. Потрескивали дрова. Где-то далеко, сквозь толщу земли, снова ухало — глухо, нестрашно.

Семён понемногу проваливался в дрёму — тягучую, вязкую, где мысли путались, а картинки мелькали одна за другой, не складываясь в осмысленное.

«Утром», — подумал он в последний раз.

И провалился в сон.

Глава 5. Гости

Солнце встало там, где ему положено, — на востоке, над степью, большое и мутное, будто его протёрли грязной тряпкой. А на севере всё ещё тлело. Зарево за ночь побледнело, сделалось бурым, и над городом стояла чёрная шапка дыма, ровная, как крышка от кастрюли.

Семён проснулся затемно, когда печка совсем прогорела и по полу потянуло холодом. Света с тёщей спали. Он постоял над ними, прикинул, будить или нет, и не стал. Осторожно поднял крышку, выбрался наверх, опустил её обратно и только тогда выпрямился во весь рост.

Округа молчала.

Ни машин, ни собак, ни петухов, которые обычно орали с соседних дворов в половине пятого. Даже птицы притихли. А далеко, в стороне города, что-то потрескивало — то ли догорало, то ли оседало.

Семён обошёл двор. Проверил калитку — цела. Сарай — цел. Под навесом стояла тачка, а в тачке, на дне, лежала тёщина тапка. Одна. Тёща всю жизнь говорила не «тапок», а «тапка». Семёну сначала было смешно это слышать — и потому даже нравилось, а с годами он и сам не заметил, как перенял. Вторую, видно, потеряли по дороге. Он поднял тапку, повертел в руках и почему-то не смог положить обратно. Сунул в карман штанов.

Потом пошёл к мастерской.

Генератор молчал. Так и тарахтел, видно, полночи впустую, пока не выработал весь бензин. Семён положил ладонь на кожух — холодный, только пахло от него горелым маслом. «Эх, — с досадой подумал он. — Бензин теперь дороже золота будет. А я его на пустую мастерскую сжёг».

В мастерской всё было так, как он оставил. Верстак, тиски, наковальня на дубовом пне. Норманнский шлем с полумаской лежал на тряпке, начищенный, и в полоске света из окошка на нём горел рыжий утренний блик. Рядом молоток. Семён взял шлем, подержал. Хорошая вышла работа. Лёха будет доволен.

Если Лёха живой.

Он положил шлем обратно и пошёл на край холма, туда, откуда видно город.

Внизу всё было серое. Дым, пыль, гарь. Сквозь эту муть проступали коробки домов, и некоторых не хватало. Как зубов во рту у старого деда. Там, где был элеватор, торчал обломанный бетонный палец. Заводские трубы стояли — обе. Это Семёна почему-то успокоило.

Он достал телефон. Сети не было. Тридцать восемь процентов заряда. Выключил его совсем и спрятал во внутренний карман.

Мотор он услышал раньше, чем увидел машину.

Звук шёл со стороны промзоны. Кто-то ехал по грунтовке вдоль ангаров, медленно, переваливаясь на ямах, и мотор то

натужно выл, то затихал. Семён присел за поленницу. Ружьё осталось в подвале, у Светы, и он пожалел об этом сразу же, как только понял, что машина сворачивает на их улицу.

Из-за тополей выползла «Нива». Старая, зелёная, со вмятым крылом и заклеенной скотчем фарой. На крыше багажник, а на нём сумки, накрытые брезентом.

Семён нашарил у поленницы колун и встал.

«Нива» проехала мимо пустых домов, мимо дачи Кравцовых с закрытыми ставнями и остановилась прямо у его калитки. Мотор чихнул и заглох. Хлопнули обе двери разом.

— Семён Петрович! — крикнул кто-то. — Семён Петрович, вы тут?

Голос был знакомый, но чей — Семён сообразил не сразу. А потом из-за машины вышел долговязый парень в мятой куртке и очках.

Лёха.

Тот самый Лёха. Кольчуга, щит, бутылка виски с золотым тиснением.

— Живой, — сказал Семён и сам удивился, как хрипло это вышло.

— Живой, — Лёха улыбнулся, но улыбка получилась кривая, как будто лицо разучилось. — А мы к вам. Тёма, смотри, говорил же — он здесь будет.

Второй обошёл машину. Пониже Лёхи, плотный, коротко стриженный, в синей куртке с надписью «Скорая медицинская помощь» на спине. Вся в бурых пятнах. Семён знал его.

Артём, врач со скорой. Заказывал у него два года назад полуторный меч — долго выбирал, приезжал раз пять, мерил рукоять по своей ладони, спорил про балансировку. Въедливый. Семён тогда подумал: из таких хорошие хирурги получаются.

— Здравствуйте, Семён Петрович, — сказал Артём и протянул руку.

Рука твёрдая, холодная. Глаза красные, в чёрных кругах. Сразу видно — не спал. Совсем.

Семён прислонил колун к забору.

— Заходите, — сказал он.

Они сели прямо во дворе, на лавке у сарая. Лёха достал сигареты, предложил. Семён не курил уже лет десять, а тут взял. Затянулся, закашлялся, но докурил.

— Рассказывайте, — сказал он.

Рассказывал в основном Артём. Говорил ровно, без надрыва, как на пятиминутке у главврача. Вчера он дежурил. Первый вызов про взрывы пришёл в половине первого — на нефтебазу. А дальше всё навалилось разом. Через час на подстанции — восемь бригад на сорок вызовов. Через два часа легла связь, и диспетчер просто стояла в дверях и раздавала адреса, которые успела записать на листочке.

— Я до трёх ночи ездил, — сказал Артём. — Потом бензин кончился. В больнице раненые лежат в коридорах, на полу, на лестницах. Хирургов трое на весь город. Свет только от аварийного генератора, а солярки в нём — до вечера.

— Чем били-то? Неужто… — спросил Семён и сам не понял, почему спросил именно об этом.

— Нет. — Артём понял сразу. — Не ядерным. Если б ядерным — тут бы ни города, ни нас уже не было. И рядом вроде не прилетало: у нас в приёмном дозиметр стоит, ещё с гражданской обороны. Молчит. По рации говорили, наши ракетчики отстрелялись раньше, чем к нам первое долетело. Их потом накрыло, но обычными. И город — обычными. Видно, не хватило у них на нас чего посерьёзнее. Или на подлёте сбили. — Он отвёл глаза. — А вот про Москву ничего хорошего не говорили.

Семён ничего не ответил. Про Москву он и сам думал полночи.

— А потом? — спросил он. — Ну, после смены?

— А потом я пошёл домой. — Артём потёр лицо ладонями. — Дома нет. Наш подъезд — одна груда кирпича. Мать с Аней… с девушкой моей… они в школьном подвале, на Садовой. Живые. Я их нашёл в пять утра.

Лёха щелчком отправил окурок в траву.

— А мы ночью приехали из Сосновки, — сказал он. — Мама, брат и я. Сосновку… — он махнул рукой. — Там аэродром рядом был. Был. Сосновки, считайте, тоже нет. Я брата посадил, мать посадил, и в город. Думал, тут хоть что-то. А тут вон что.

— Мы в школе вместе, — пояснил Артём. — Все наши. Там человек двести в подвале. Тесно, туалет один, воды нет.

Мать говорит, вчера вечером там уже двое подрались из-за матраса.

— Понятно, — сказал Семён.

Хотя понятно было не всё. Зачем они приехали сюда, на холм, к нему? Но он не спрашивал. Ждал. Батя так учил: человек сам скажет, если ему не мешать.

Лёха вдруг спохватился.

— Семён Петрович, а шлем-то?

Семён посмотрел на него. Лёха покраснел.

— Дурак, да? — сказал он. — Город горит, а я про шлем.

— Готов шлем, — сказал Семён. — Вчера доделал. Потом заберёшь.

И почему-то от этого разговора, от этой глупой, неуместной фразы про шлем им всем троим стало легче. Словно мир хоть в чём-то ещё держался на своих местах. Заказ сделан. Заказчик пришёл. Всё как положено.

Из-под навеса скрипнула крышка погреба.

Сначала показалась двухстволка. Потом Светина голова, растрёпанная, с отпечатком подушки на щеке. Она увидела чужих, вскинула ружьё и только потом разглядела мужа на лавке.

— Сёма?

— Свои, Свет. Опусти.

Света опустила ствол, но выбираться не спешила. Смотрела настороженно, по очереди на каждого.

— Это Алексей, — сказал Семён. — Шлем ему делал. А

это Артём. Врач, со скорой.

— Врач? — Света сразу поднялась на ступеньку выше. — Доктор, у меня мама… у неё сердце. Вчера приступ был, потом без сознания. Сейчас вроде спит, но я не знаю…

Артём уже поднялся. Сходил к «Ниве» и вернулся с оранжевым ящиком-укладкой, исцарапанным до белизны.

— Показывайте.

Тёща не спала. Она лежала на матрасе, укрытая двумя одеялами, и смотрела в потолок. Когда в подвал один за другим спустились трое мужиков, она повернула голову, увидела Семёна и сразу поджала губы.

— Ещё кого-то притащил, — проскрипела она. — Нам и самим места мало.

— Мама, это врач, — сказала Света.

— Какой ещё врач?

— Здравствуйте, — сказал Артём, опустился рядом на колени и открыл укладку. — Я Артём Сергеевич, со скорой. Давайте я вас послушаю. Как вас зовут?

— Нина Павловна, — сказала тёща. И вдруг подобралась, поправила одеяло на груди, словно лежала не в подвале, а сидела на приёме в поликлинике.

Артём возился с ней минут двадцать. Мерил давление, считал пульс, смотрел зрачки, задавал вопросы — тихо, без спешки. Что пила, сколько, когда. Где болело, куда отдавало. Тёща отвечала. Ворчала, но отвечала. Семён стоял у печки и думал, что ни разу не слышал, чтобы она с кем-то так раз-

говаривала. Почти вежливо.

— Ну что, Нина Павловна, — сказал наконец Артём. — Инфаркта, похоже, нет. Был сильный спазм, на фоне стресса. Нитроглицерин вам правильно дали, это вас вытащило. Теперь лежать. Сутки, двое. Не вставать, не волноваться.

— Не волноваться, — фыркнула тёща. — Это вы ему скажите. Света говорит, он меня вчера в тачке вёз, как мешок с картошкой.

— Правильно вёз, — кивнул Артём, перебирая блистеры в укладке. — Если бы вас посреди улицы на руках держали да скорую ждали, мы бы сейчас с вами не разговаривали. Я вчера таких… — он запнулся. — Ладно. Вот это по таблетке утром и вечером. Вот это под язык, если опять прихватит.

Тёща замолчала. Посмотрела на Семёна. Долго посмотрела, как в первый раз.

— Вы его откуда знаете? — спросила она Артёма.

— Семёна Петровича? — Артём удивился вопросу. — Да его полгорода знает. Ну, кто железом увлекается. У меня меч от него. У Лёхи кольчуга, щит, теперь вот и шлем. У нас в клубе половина снаряжения его работы. Мы на фестиваль под Самару ездили, так там москвичи подходили, спрашивали, чьё. Не верили, что местный мастер делал.

Тёща ничего не ответила. Только отвернулась к стене и натянула одеяло на плечо. Но Семён видел, что она слушала. Каждое слово.

Света поставила чайник. Заварника не нашлось, заварили

прямо в кастрюльке, крепкий, чёрный, с чабрецом из отцовских запасов. Разлили по кружкам. Кружек было три, четвёртую Семён нашёл на полке, щербатую, с отбитой ручкой, ещё мамину. Взял её себе.

Сидели в подвале, у печки. Тёща уже посапывала под одеялом — таблетки Артёма подействовали. Света примостилась на краю ящика, держала кружку двумя руками и молча смотрела на мужа.

— Семён Петрович, — сказал Лёха. — Мы, собственно, чего пришли. Посоветоваться.

— Ну.

— Вон там дом. — Лёха кивнул на стенку. — Через три участка от вас. Кирпичный, двухэтажный, с зелёной крышей.

— Кравцовых, — сказал Семён.

— Не знаю, чей. Мы мимо ехали, когда к вам. Ставни закрыты, во дворе трава по колено. Видно, что не живут.

— Летом живут. — Семён отхлебнул чаю. — Оренбургские. Приезжают в июне, уезжают в сентябре. Хозяин, Виктор Палыч, на газовом работал, начальником каким-то. Жена у него, дети взрослые, внуки. Шашлыки жарят, музыку слушают. Нормальные люди. Мангал у меня заказывали, я им ковал.

Он замолчал. Все трое подумали про одно и то же.

— Оренбург, — тихо сказал Артём. — По рации вчера, пока связь была, говорили, что по Оренбургу работали сильнее, чем по нам. Там же штаб, аэродром, склады. Говорили…

Он не договорил. Не надо было.

— Короче, — Лёха поправил очки. — Семён Петрович, мы хотим туда своих перевезти. Маму, брата. Тёмину маму и Аню. Из школы. Там нельзя. Там через неделю или зараза пойдёт, или резать друг друга начнут. А дом пустой стоит.

— И вы ко мне пришли, — сказал Семён, — чтобы я вам что? Разрешил?

Лёха смутился. Артём — нет.

— Чтобы вы сказали, правильно это или нет, — сказал Артём. — Мы не воры, Семён Петрович. Мы чужое никогда не брали. Но у меня мать с Аней на бетоне спят. А тут есть где по-человечески выспаться. Я не знаю, как правильно. Вы тут живёте. Вы этих людей знаете. Вот и спрашиваем.

Семён ответил не сразу. Смотрел на огонь через закопчённое стекло печки.

Батя бы сказал… А что бы сказал батя? Однажды у людей с соседней улицы сгорел дом. Сельсовет только руками развёл. А батя ни у кого спрашивать не стал, даже у матери. Просто пошёл, открыл им летнюю кухню и сказал: живите. Они там всю зиму прожили, а весной перекрыли ему крышу. Бесплатно.

— Правильно, — сказал Семён. — Если по-человечески делать.

— Это как?

— А так. Дверь не ломать. Окна не бить. Чужое без нужды не трогать. Фотографии со стен не снимать. Продукты, если

есть, — переписать, что взяли. Вернутся хозяева — всё отдать и сказать спасибо. И ещё записку на двери оставить: кто живёт, откуда, почему. И что меня спросить. Я подтвержу.

Лёха с Артёмом переглянулись. Лёха кивнул так, будто ему продиктовали инструкцию по технике безопасности.

— А как без взлома-то? — спросил он. — Там ворота на замке, дверь железная, я видел.

— Пошли, — сказал Семён и поставил кружку на полку. — Покажу.

Он встал. Плечо, которым вчера выбивал дверь, отозвалось тупой болью, и он поморщился. Рубашка на плече сбилась складкой и посерела от пыли.

Света поднялась следом. Подошла. И, не говоря ни слова, провела ладонью по его плечу, раз, другой, смахивая пыль. Расправила складку. Как раньше. Как двадцать лет назад, когда он собирался на смену, а она провожала его в прихожей.

Семён замер. Лёха смотрел в кружку. Артём сосредоточенно закрывал укладку.

— Иди, — сказала Света тихо. — Я тут. С мамой.

— Ружьё держи под рукой.

— Держу.

Он полез наверх. И уже на лестнице почувствовал, что улыбается. Первый раз за бог знает сколько времени. Глупо, не к месту, а вот улыбается.

Инструмент он собрал в старый отцовский ящик: пассатижи, пару отвёрток, стамеску, молоток, моток проволоки,

свёрток с ветошью. Подумал и бросил туда же тонкий слесарный надфиль и кусок пружинной стали, из которой летом ковал дугу для арбалета одному чудаку.

Шли пешком. «Нива» осталась у калитки. Бензин берегли.

Дом Кравцовых стоял чуть в глубине участка, за высоким профнастилом. Кирпичный, крепкий, на хорошем фундаменте. Зелёная металлочерепица, пластиковые окна на втором этаже, а на первом — старые, деревянные, ещё от прежних хозяев. Виктор Палыч всё собирался поменять, да руки не доходили. Семён это знал, потому что Палыч сам ему жаловался прошлым летом за шашлыком.

Ворота закрывал навесной замок. Семён поглядел на него.

— Китайский, — сказал он. — Купили в хозяйственном за триста рублей.

Он присел на корточки, достал из ящика кусок пружинной стали и надфиль и минут пять подтачивал край, поворачивая пластинку к свету. Лёха и Артём стояли рядом и молчали. Потом Семён согнул пластинку пассатижами, сунул её в щель между дужкой и корпусом, нажал, повернул. Пластинка соскочила. Семён выругался сквозь зубы, подогнул её ещё раз и снова сунул в щель. Со второго раза замок щёлкнул и открылся.

— Ни фига себе, — выдохнул Лёха.

— Там защёлка простая, — сказал Семён, не оборачиваясь. — Отжал её — и всё. Хороший замок так не откроешь.

А этот — для честных людей.

Замок он не выбросил. Повесил обратно на петлю, не защёлкивая.

Во дворе никого. Трава по колено, как и сказал Лёха. Мангал под навесом — тот самый, Семёнов, с витыми ножками. Качели. Детский велосипед у крыльца, розовый, с корзинкой на руле, весь в пыли. Семён на велосипед старался не смотреть.

Входная дверь — и правда железная, с двумя замками. Её Семён трогать не стал. Обошёл дом кругом, подёргал ставни. Та, что на кухонном окне, держалась изнутри всего на одном шпингалете. Шпингалет он подцепил проволокой через щель, приподнял, и ставня открылась.

За ставней оказалось старое деревянное окно. Двойная рама, стекло на штапиках.

— Вот, — сказал Семён. — Вот наша дверь.

Он достал стамеску. Аккуратно, по миллиметру, подцепил первый штапик, тонкую деревянную рейку, которая держала стекло. Гвоздики вышли с тихим писком. Штапик он положил на землю, на расстеленную ветошь. Потом второй. Третий. Четвёртый.

— Держи, — сказал он Лёхе. — Снизу. Двумя руками. Не дави.

Стекло вынули целым. Поставили к стене. Потом так же — из внутренней рамы.

Семён подтянулся и пролез внутрь. Кухня. Пахло пылью

и мышами. Он прошёл через комнату в прихожую, нашёл на крючке у двери ключи. Хозяева оставили запасные, как все оставляют, на всякий случай. Открыл изнутри железную дверь.

Лёха с Артёмом стояли на крыльце.

— Семён Петрович, — прищурился Лёха, — а вы точно слесарь?

— Всё, — сказал Семён и протянул ему ключи. — Заходите. Стёкла сейчас обратно поставим. Через час никто и не скажет, что тут кто-то лез.

— Семён Петрович, — сказал Артём. — Вы где этому научились?

Семён пожал плечами.

— Двадцать пять лет слесарем. Отец сорок. Мы всё, что сломано, чинили. А что закрыто — открывали. Тут ума не надо. Надо, чтобы руки помнили.

Пока Семён возвращал стёкла на место, парни ходили по дому. Сначала тихо, на цыпочках, как в музее. Потом осмелели. Лёха крикнул со второго этажа, что там три спальни и все кровати целые. Артём нашёл в кладовке ящик тушёнки, мешок сахара и упаковку питьевой воды, двенадцать бутылок. Хотел было обрадоваться, но вспомнил уговор и пошёл искать бумагу с ручкой — переписывать.

Семён закончил с окном, постучал по последнему штапику молотком, проверил — держится. Потом прошёл по дому сам.

На стенах висели фотографии. Виктор Палыч в рыбацких сапогах, с огромной щукой. Его жена Галина у моря. Внуки на тех самых качелях. Девочка с белыми бантами, лет семи, на розовом велосипеде.

Семён остановился у этой фотографии.

Лиза в семь лет была такая же. С бантами. Только велосипед был не розовый, а синий, «Кама», и Семён сам его перебирал, перекрашивал, менял цепь. Лиза потом три дня не слезала с него, катала Катьку на багажнике, и обе визжали так, что слышно было на соседней улице.

— Семён Петрович?

Он обернулся. Лёха стоял в дверях кухни с тетрадкой в руках.

— Мы тут подумали… Записку на дверь вы сами напишете? У вас лучше получится. Вас они знают.

Семён взял тетрадку, сел за кухонный стол. Подумал. Написал печатными буквами, медленно, чтобы ровно:

«Виктор Павлович, Галина!

Ваш дом занят временно. Здесь живут две семьи из Зареченска и Сосновки, их дома разрушены. Ничего не сломано, ничего не взято без записи. Список — на холодильнике. Когда вернётесь — всё отдадим.

Спросите у меня.

Семён Сазонов, сосед, дом на холме».

Подумал ещё и дописал число. Шестнадцатое мая.

Записку повесили изнутри на входную дверь, на гвоздик.

Лёха сфотографировал её на телефон. Зачем — сам не знал. По привычке.

Обратно шли медленно. Солнце уже стояло высоко, припекало. Над городом всё так же висела чёрная шапка, но гул стих. Изредка далеко на севере глухо ухало, словно кто-то бил кувалдой по огромному пустому баку.

— Завтра с утра перевезём, — сказал Артём. — Сегодня надо в больницу вернуться. Там ещё люди. Я обещал.

— А бензин? — спросил Семён.

— Полбака. Туда и обратно хватит. А дальше… — Артём пожал плечами. — Дальше будем думать.

— Будем думать, — согласился Семён.

У калитки Лёха остановился. Помялся, поправил очки.

— Семён Петрович, — сказал он. — Можно мы… ну, если что… к вам будем приходить? Советоваться. Мы же тут никого не знаем. А вы знаете. И вы… — он запнулся. — Вы вчера, я так понял, тёщу из города через весь этот ад на тачке вывезли. А я брата чуть не потерял на выезде из Сосновки, потому что растерялся и не знал, куда сворачивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.